

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Дунеатли, Ирландия
Февраль 1925 года*

Медленно и осторожно Молли притворила входную дверь Дома Доктора, так что замок щелкнул почти неслышно. Подхватив чемодан, она прошептала:

— Идем, Аннемари, нас ждет Хейзел.

— Нас ждет Хейзел, — невыразительным голосом произнесла Аннемари.

Это был не вопрос и не утверждение, а всего лишь повторение слов сестры. Аннемари была в ступоре с тех самых пор, как чуть больше трех недель назад с ней случилось «это».

Молли прижала палец к губам, хотя в этом и не было особой необходимости: вряд ли Аннемари заговорит снова. Девушки пересекли пустынную площадь, которую со всех четырех сторон обступили дома, по краям уже прихваченную морозцем, словно торт — сахарной пудрой. Поздним февральским вечером воздух замер в стылой неподвижности.

— Смотри под ноги, родная, земля очень скользкая, — прошептала Молли сестре замерзшими губами.

На обеих были теплые зимние пальто, сапожки и шерстяные шапочки. Молли сунула нос в вязаный шарф и с облегчением отметила, что у сестры достало здравого смысла последовать ее примеру.

Она дождалась, пока часы пробьют полночь, и только после этого рискнула выйти из дома, зная, что в такой поздний час почти все жители Дунеатли уже спят крепким сном в своих постелях. Магазины давным-давно закрылись, и витрина мясной лавки зияла пустотой, а вот в булочной за стеклом еще

виднелось несколько тортов — Родди Иган не упускал возможности сбывать с рук лежалый товар. В витрине магазинчика одежды миссис Джеррагги торчало написанное от руки объявление: «В продаже имеются последние парижские модели», что, впрочем, было, мягко говоря, большим преувеличением. Только древние полуслепые старухи покупали что-либо у Ины Джеррагги, платья которой вышли из моды еще пятьдесят лет назад.

Дорогу им перебежала кошка. Молли подпрыгнула на месте, а Аннемари испуганно пискнула. Это было огромное полосатое животное, принадлежавшее мистеру О'Рурку, стряпчему, который назвал его Китти в честь покойной супруги, хотя на самом деле это был кот, наплодивший за свою долгую и распутную жизнь столько котят, что их хватило бы на целую ярмарку.

— Все в порядке, родная. — Молли сжала руку сестры. — Ты только посмотри на небо, оно такое красивое. — Небо и впрямь обрело глубокий цвет темно-синих чернил и выглядело таким же текучим и подвижным. С него подмигивали звезды, большие и маленькие; в некоторых местах их было так много, что небосвод казался расшитым стеклярусом. — Эти звезды находятся на миллионы и миллионы миль от нас, — сообщила Молли сестре, но Аннемари не ответила.

Луна являла собой правильный желтый круг, и на нем были отчетливо видны горы и кратеры. Интересно, живут ли там люди, подумала Молли. И если живут, то какую одежду носят? И похожи ли их дома на здешние? Луна вызывала у нее легкое беспокойство; она заливала ярким светом всю площадь, отчего на улице было светло, как днем. Если кто-нибудь их увидит...

Молли утешала себя тем, что даже если кто-нибудь и впрямь заметит их, то вряд ли поспешит к Доктору, чтобы предупредить его о том, что его дочери отправились на ночную прогулку.

Уолли МакМахон вывалился из дверей паба О'Рейли, где он, скорее всего, беспробудно спал после закрытия. Он не заметил девушек. Уолли влил в себя столько эля, что не заметил бы и сундук с золотом, если бы тот каким-то чудом оказался у него на дороге, когда он возвращался домой от О'Рейли.

Девушки зашагали дальше, причем Аннемари, хранившая упорное молчание, держалась в нескольких шагах позади сестры, хотя всего несколько недель назад она вприпрыжку бежала бы впереди, ее красивое личико светилось бы оживлением и она болтала бы без умолку, желая знать, куда они направляются, и щебеча о том, как здорово гулять при луне и что небо выглядит настолько волшебным, что его красоту невозможно передать словами. Глядя на эту девочку, никто бы и не подумал, что у нее что-то не в порядке с сердцем. Впрочем, Доктор уверял, что ничего плохого с ней не случится, если только она будет принимать капли каждый день. В противном случае ее может хватить удар или же с ней случится сердечный приступ. Поэтому в косметичке на самом верху чемодана, который заставлял Молли креститься на один бок, лежали два пузырька с дигиталисом¹. Чемодан был доверху набит их с Аннемари одеждой, которую Молли поспешно затолкала туда за шестьдесят минут, дабы никто ничего не заметил и не заподозрил. Кто знает, вдруг одежда в Америке стоит бешеных денег, и тогда оставлять ее здесь было бы верхом глупости.

В коттедже Шинед Ларкин горел свет. Шинед была портнихой, и клиентки приезжали к ней из самого Килдэра, чтобы заказать свадебные наряды и платья для свидетельниц, не говоря уже о пажеских костюмах². Это она шила одежду для Молли и Аннемари, как и для их мамы, когда та еще была жива. Молли живо представила себе, как невысокая портниха яростно, словно заведенная, давит на педаль швейной машинки «Зингер», просовывая очередной ярд шелка или сатина под безостановочно снующую сверкающую иглу.

Девушка с облегчением вздохнула и переложила чемодан в другую руку, когда последние дома деревни наконец остались

¹ Дигиталис, выделенный из наперстянки, долгое время оставался единственным препаратом для лечения хронической сердечной недостаточности; в то же время при передозировках он является опасным ядом. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

² Пажеский костюм — *здесь*: костюм для мальчика, сопровождающего невесту во время церемонии бракосочетания в церкви.

позади. Перед ними лежала узкая проселочная дорога с живой изгородью по обеим сторонам, и ледяная корочка на ней поблескивала в лунном свете, словно серебряная лента. Примерно в полумиле впереди дорога сворачивала налево, и Молли знала, что за поворотом их поджидает дом, в котором живет их брат Финн. Он работал счетоводом и сейчас уехал в Дублин в командировку. Его жена Хейзел помогала Молли и Аннемари бежать от ужасов Дунеатли.

Чемодан становился все тяжелее и тяжелее. Молли так и подмывало открыть его и вышвырнуть половину вещей на обочину. Она еще раз вздохнула с облегчением, когда впереди наконец показался дом Финна.

— Ну вот, мы почти пришли, Аннемари, — сказала она, чтобы подбодрить сестру.

Скрипнула, открываясь, калитка, и мгновением позже Хейзел распахнула входную дверь.

— Это вы! А я все время прислушиваюсь. — Она пробежала по тропинке и ласково расцеловала обеих девушек. — Ну, входите же, входите. У меня уже давно готов чай.

Молли, отдуваясь, опустила чемодан на пол.

— Клянусь, руки у меня стали на шесть дюймов длиннее.

— Так и есть, — рассмеялась Хейзел.

Она была высокой шатенкой с громким голосом и карими глазами, сохранившей девичье изящество и грациозность движений, несмотря на огромный выпирающий живот, в котором ждал своего часа первый внук Доктора. Хейзел испуганно прижала ладошки ко рту.

— Я должна плакать, а не смеяться! Это трагедия, а не шутка.

Девушки прошли за невесткой в уютную кухню. На столе стояли три чашки с блюдцами, сахар, молоко и чайник, накрытый стеганым чехлом. Молли сама сшила его год назад, в подарок на свадьбу Хейзел и Финна. Поначалу Хейзел ей не понравилась — она была слишком крупной, слишком властной и слишком умной. Хейзел разбиралась во всем на свете и не стеснялась высказывать свое мнение. Доктор ненавидел ее всей душой. Пожалуй, именно его отношение и заставило Молли

присмотреться к невестке повнимательнее. Ей не понадобилось много времени, чтобы обнаружить в Хейзел привлекательные черты: она великодушно прощала ошибки, всегда готова была прийти на помощь в случае необходимости и обладала невероятно добрым сердцем.

Неудивительно, что именно к Хейзел и обратилась Молли три недели назад, когда случилось «это».

— Я должна увезти нашу Аннемари подальше от Доктора. Думаю, будет лучше, если мы с ней уедем в Америку. В Нью-Йорк, — сказала она невестке. — Там у нас живет тетя, тетя Мэгги, сестра мамы. Она учительница, и мы часто виделись с ней, пока она не уехала отсюда. Тетя Мэгги пишет нам каждый месяц. Она позаботится о нас, я уверена в этом.

— Но вам понадобятся паспорта, — ответила Хейзел. — В Америку нельзя попасть без паспорта.

— А они у нас уже есть. Ты не знаешь об этом, но мы получили их еще до того, как ты познакомилась с нашим Финном. Просто мама собиралась отвезти нас в гости к тете Мэгги. А потом она забеременела, стала чувствовать себя хуже и уже никуда не могла поехать.

Тогда они здорово огорчились, но оказалось, что худшее еще впереди: в конце года их любимая мамочка умерла, рожая своего пятого ребенка, Айдана.

— Но что все это значит, Молли, милая? — озадаченно поинтересовалась Хейзел, словно только сейчас поняла ее слова. — Что ты имеешь в виду, говоря, что должна увезти Аннемари подальше от Доктора?

И тогда у Молли не осталось другого выхода, кроме как объяснить, что случилось. Она с трудом подбирала слова, запиналась, а закончилось все слезами.

Хейзел смертельно побледнела. От ужаса она лишилась дара речи и очень не скоро смогла выдавить из себя:

— Ты хочешь сказать, что твой отец... — Она умолкла, не в силах закончить предложение, но потом сделала новую попытку: — Ты имеешь в виду, что твой отец изнасиловал свою тринадцатилетнюю дочь?